Императоръ Николай I въ Елисаветградѣ въ 1851 г.

(Изъ воспоминаній стараго солдата).

I.

Въ царствованіе императора Николая I въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ военныхъ поселеніяхъ губерній Харьковской, Херсонской, Кіевской и Каменецъ-Подольской были расположены по квартирамъ два кавалерійскихъ корпуса: барона Остенъ-Сакена и Герштенцвейга [1]). Въ составъ этихъ корпусовъ входили: кирасиры, уланы, гусары и артиллерія. Корпусъ генерала Герштенцвейга былъ сводный, состоявшій изъ пятой и четвертой кавалерійскихъ дивизій. Въ сороковыхъ годахъ и въ началѣ пятидесятаго пятой дивизіей командовалъ князь Багратіонъ-Имеретинскій, а четвертой дивизіей, штабъ которой былъ на вольныхъ квартирахъ, въ городѣ Винницѣ Каменецъ-Подольской губерніи, генералъ Зассъ. Главная квартира инспектора кавалеріи и начальника всѣхъ военныхъ поселеній на югѣ Россіи была въ Кременчугѣ Полтавской губерніи. О военномъ поселеніи въ свое время много писали, едва ли можно прибавить что-нибудь къ сказанному. Старики-крестьяне, оставшіеся въ живыхъ, до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ то страшное время, когда ихъ сельское хозяйство и даже семейный бытъ подвергались строгому контролю поселенскаго комитета. Въ Малороссіи и Новороссіи и теперь распѣваютъ пѣсенку, вовсе не лестную для памяти Аракчеева. Въ этой пѣснѣ выражается взглядъ народа на всю дѣятельность александровскаго временщика по отношенію военнаго по-

[1]) Командиръ своднаго кавалерійскаго корпуса генералъ-отъ-артиллеріи Данило Александровичъ Герштенцвейгъ въ 1848 году застрѣлился въ мѣстечкѣ Леовѣ.

селенія. «Березки посажалъ, канавки покопалъ—Аракчеевъ генералъ», сказано въ пѣснѣ.

Корпусные и дивизіонные штабы были въ городахъ: Чугуевѣ—Харьковской губерніи, въ Елисаветградѣ и Вознесенскѣ—Херсонской губерніи. Всѣ приказы въ штабы присылались изъ Кременчуга, отъ графа Никитина. Лѣтомъ 1851 года отъ инспектора кавалеріи была разослана по всѣмъ штабамъ бумага, въ которой сообщалось о предстоящемъ высочайшемъ смотрѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ подъ городомъ Елисаветградомъ. Такую же бумагу получали и начальники военнаго поселенія. Полковымъ командирамъ вмѣнялось въ обязанность обратить особенное вниманіе на выправку солдатъ и тѣла лошадей. Поселенское начальство: окружные и волостные командиры, почему-то въ то время числившіеся по кавалеріи, въ особенности всполошились и, какъ солдаты выражаются, запороли горячку. Стали поправлять дороги, по которымъ государь долженъ былъ проѣхать, красить придорожные столбы подъ цвѣтъ киверовъ квартирующихъ полковъ, приводить въ надлежащій порядокъ скирды съ хлѣбомъ, маскируя вымолоченную солому снопами съ зернами, поправлять крыши на амбарахъ, чисто разметать улицы, бѣлить поселенскіе домики, выстроенные по ранжиру; отдавали строжайшія приказанія вахмистрамъ, дабы они слѣдили за поселянами во время высочайшаго пребыванія и не позволяли бы имъ показываться на улицахъ въ нетрезвомъ видѣ или дурно одѣтыми; дѣти поселянъ отнюдь не должны были играть на улицѣ. Словомъ сказать, поселенскому начальству было хлопотъ очень много. Но и строевые также не сидѣли сложа руки. Въ городѣ и его окрестностяхъ расположились: кирасиры, уланы, гусары и артиллерія. Солдаты по квартирамъ и по сборнямъ, а лошади въ коновязяхъ. Все чистилось, прихорашивалось и, какъ говорится, подтягивалось. Субалтерн-офицеры, по обыкновенію, ровно ничего не дѣлали, только разъѣзжали по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, слушали пріѣзжихъ изъ Варшавы арфянокъ, играли въ карты и пили шампанское.

Эскадронные командиры отрывались отъ преферанса лишь для того, чтобы отдавать приказанія вахмистрамъ. Зато послѣднимъ было дѣла по горло. Они слѣдили за пригонкой амуниціи и мундировъ, безпрестанно бѣгали въ полковой цейхгаузъ за ленчиками, вольтрапами, мунштуками, карабинами, саблями, пиками и т. д. Надо было позаботиться о полномъ количествѣ рядовъ, осадить отмастковъ въ заднія шеренги, перемѣнить нумера и обо всемъ этомъ доложить эскадронному командиру при вечернемъ рапортѣ. Солдаты безъ кителей, въ однихъ рейтузахъ хлопотали около мундировъ и амуниціи. Кирасиры чистили каски и кирасы, уланы пригоняли колеты и терли мокрой тряпкой дротики; гусары,- мундиры которыхъ были съ бѣлыми шнурками,—бѣлили

ихъ маленькими зубными щеточками глинкой съ клеемъ и развѣшивали на солнцѣ; артиллеристы чистили орудія и лафеты и также бѣлили перевязи. Вообще картина приготовленія къ высочайшему смотру въ тѣ времена, когда обмундировка и вооруженіе солдата были до крайности сложны, представляла собой большое разнообразіе.

Въ самомъ городѣ Елисаветградѣ происходила великая суета. Цѣлый отрядъ инвалидныхъ солдатъ и арестантовъ, подъ командой самого городничаго, квартальныхъ и хожалыхъ, подметалъ улицы. Недавно выкрашенные дома, благодаря жаркой, ведреной погодѣ, глядѣли какъ новенькіе; на бульварѣ подстриженныя деревья всѣ одного роста стояли стройно, точно шеренга солдатъ; по выметеннымъ улицамъ разъѣзжали бочки съ водой, изъ которыхъ арестанты черпали воду ковшами и разливали ее во всѣ стороны. Для государя императора было приготовлено помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ жилъ корпусный командиръ баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ назначенный день, именно 3-го сентября, съ самаго ранняго утра все начальство, облекшись въ полную парадную форму, разгуливало около дворца, по главной улицѣ города, въ ожиданіи фельдъегеря, робко посматривая на почтовую дорогу.

Часу въ первомъ дня прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что его величество тотчасъ прибудетъ. Вмигъ все засуетилось. Городничій метался туда и сюда, размахивалъ руками, что-то кричалъ, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ глядѣлъ въ даль; инвалиды и арестанты съ метлами куда-то исчезли, квартальные въ треугольныхъ шляпахъ, при шпагахъ, прогоняли съ дороги собакъ и мальчишекъ; корпусный командиръ баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ внимательно осматривалъ почетный караулъ, ровнялъ солдатъ, поправлялъ на нихъ кивера, перевязи, лядунки, своимъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ смахивалъ пыль съ солдатскихъ сапогъ, безпрестанно крестился и вслухъ шепталъ молитвы. Старикъ-графъ Никитинъ пристально посматривалъ на почтовую дорогу, безпрестанно ощупывалъ руками бумагу рапорта, засунутаго за пуговицы мундира, точно боялся, чтобы она не упала.

Всѣ балконы, окна и даже чердаки и крыши были заняты любопытными. По обѣимъ сторонамъ дороги, до самой заставы и далѣе, откуда-то вдругъ явилась толпа народа, точно изъ земли выросла. Квартальные очищали дорогу, а хожалые, съ тесаками позади, таскали за воротъ каждаго проходившаго мимо и пихали въ грудь выпячивавшихся впередъ.

Вскорѣ по почтовой дорогѣ, за заставой, показалось облако пыли и гулко послышалось «ура!» Городничій вздрогнулъ и будто замеръ на мѣстѣ; квартальные и хожалые увеличили свою энергію, растопырили руки и еще болѣе оттолкнули зрителей назадъ; все начальство дѣйствующей

армія и поселенское выстроилось по правой и лѣвой сторонамъ дворца. Графъ Никитинъ снова пощупалъ бумагу, запрятанную за пуговицы мундира, и нѣсколько выступилъ впередъ; баронъ Остенъ-Сакенъ опять перекрестился и прошепталъ молитву, остальные генералы молча охорашивались, лица ихъ поблѣднѣли. Крики «ура!» послышались ближе. Вскорѣ обозначилась открытая коляска, въ которой сидѣлъ императоръ Николай I и графъ Адлербергъ; на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, виднѣлась крупная фигура царскаго камердинера; четверка поджарыхъ, степныхъ лошадей, караковой масти мчалась въ карьеръ; кучеръ не понукалъ ихъ кнутомъ, а лишь изрѣдка наклонялъ корпусъ впередъ и шевелилъ вожжами. Коляска приближалась все ближе и ближе, наконецъ въѣхала въ заставу. Восторженное «ура!» грянуло еще громче, государь кланялся на обѣ стороны и привѣтливо улыбался. Около дворца кучеръ ловко осадилъ лошадей и коляска остановилась. Государь, въ запыленной шинели, быстро вышелъ изъ экипажа, поздоровался съ почетнымъ карауломъ, принялъ рапортъ отъ графа Никитина и сталъ подниматься по лѣстницѣ. За нимъ послѣдовало все начальство: инспекторъ кавалеріи, корпусные командиры, начальники дивизій, губернаторъ, жандармскій генералъ и графъ Адлербергъ. Тотчасъ же полетѣли во всѣ штабы приказы на утро быть войскамъ на назначенныхъ въ степи мѣстахъ для высочайшаго смотра. Люди должны быть одѣты въ парадную форму, а лошади засѣданы полнымъ вьюкомъ. По первому сигналу генералъ-марша, сказано было въ приказѣ, сѣдлать лошадей, по второму собираться эскадронамъ въ полковыхъ штабахъ, по третьему отправляться въ степь и занять назначенное мѣсто.

Въ эту ночь въ городѣ Елизаветградѣ изъ числа военныхъ спали только одни солдаты. Послѣ вечерней уборки, поѣвъ кашицы съ саломъ, они всѣ мирно разошлись спать. Ничто не тревожило ихъ совѣсть, имъ не страшенъ былъ предстоящій высочайшій смотръ: лошади ихъ были напоены и накормлены, прекрасно вычищены, оружіе и амуниція блестѣли, солома въ коновязяхъ подбита. Завернувшись въ попоны (шинели уже были закатаны) они заснули богатырскимъ сномъ на току у поселянина, въ амбарѣ или на соломѣ ближе коновязи.

Не то было съ поселенскими начальниками. Имъ чудилось, что кто-то показалъ государю Николаю картину туземнаго художника, изображавшую пшеничныя скирды на тоненькихъ ножкахъ, бѣгущія въ Одессу. И не спалось имъ бѣднымъ, они ворочались съ боку на бокъ до самой утренней зари.

II.

На другой день лишь только показалось солнышко, дежурные по эскадронамъ унтеръ-офицеры, одѣтые въ лейбики, въ закрытыхъ киверахъ, въ лядункахъ и при саблях, скомандовали на водопой, эскадроны потянулись къ рѣчкѣ, потомъ лошадямъ навѣсили торбы и стали ихъ чистить; съ сѣрыми лошадьми было много хлопотъ: нѣкоторыя изъ нихъ ночью лежали, отчего на ихъ бокахъ образовались влажныя пятна, не уступавшія ни скребницѣ, ни щеткѣ; приходилось замывать водой съ золой, вытирать соломой и суконкой. Послышались звуки генералъ-марша, написаннаго на слова:

Всадники-други въ походъ собирайтесь,
Звукъ трубы военной васъ къ славѣ зоветъ,
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь,
За царя и родину сладкую смерть принять.

«Сѣдлай!» крикнулъ эскадронный вахмистръ. Люди побѣжали въ цейхгаузъ за сѣдлами и вальтрапами, началась процедура подтягиванія подпругъ, крики: «балуй!» и проч.

Наконецъ лошади были осѣданы, люди побѣжали одѣваться, генералъ-маршъ опять послышался, вышелъ эскадронный командиръ и скомандовалъ: «Садись! справа по шести, шагомъ маршъ!» и эскадронъ направился къ полковому штабу. Собрались всѣ восемь эскадроновъ, трубачи въ третій разъ проиграли генералъ-маршъ и полкъ повели за городъ въ степь. Въ тѣ времена легко-кавалерійскіе полки состояли изъ восьми эскадроновъ, послѣдніе два, именно седьмой и восьмой, были фланкерскими, которые при построеніи разсыпались изъ-за праваго и лѣваго фланговъ полка. Я былъ штандартъ-юнкеромъ и ѣздилъ въ срединѣ четвертаго эскадрона N гусарскаго полка. До мѣста, назначеннаго нашему полку, было добрыхъ версты четыре; мы шли около часа, если не болѣе. Придя на мѣсто, мы слѣзли съ лошадей. Солдаты сняли киверa, разстегнули тулейки, достали свои кисеты, сшитые изъ лоскутяковъ и стали вертѣть цыгарки, но курить имъ не пришлось: пріѣхалъ бригадный командиръ, раздалась команда: «Садись! Смирно!» Генералъ объѣхалъ фронтъ, внимательно осмотрѣлъ лошадей и людей, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе полковому командиру и отправился къ слѣдующему полку; насъ опять спѣшили и приказали оправиться.

Но и на этотъ разъ мы недолго стояли вольно, сначала пріѣхалъ начальникъ дивизіи, а за нимъ вскорѣ и корпусный командиръ. Первый въ особенности рылся во фронтѣ и приказывалъ солдатамъ глядѣть браво, молодцами. «Ѣшь меня глазами», говорилъ князь Багратіонъ. Не обошлось, конечно, и безъ курьеза.

Когда начальникъ дивизіи проѣхалъ къ пятому эскадрону, я услыхалъ за моей спиной шопотъ молодого солдатика изъ парубковъ Полтавской губерніи. Онъ говорилъ стоявшему рядомъ съ нимъ карабинеру:

— Чуете, дядько, чижъ я звѣръ, чтобы чиловіка ѣсть?

— Экой ты чудакъ!—послышался отвѣтъ стараго солдата.—Ты долженъ **вытаращиться** на начальство!

Послѣ объѣзда корпуснаго командира мы опять слѣзли съ лошадей и нѣсколько отдохнули. Офицеры собрались группой впереди полка, завели бесѣду о бульварныхъ приключеніяхъ и артистическихъ способностяхъ варшавскихъ арфянокъ, а солдаты закурили свои **цыгарки**; начальство отъѣхало въ сторону къ правому флангу. Но вотъ показался отъ города скачущій въ карьеръ **махальный** и объявилъ, что государь императоръ выѣхалъ изъ дворца. Въ мигъ все заполошилось по всей линіи, раздалась команда: «Садись, смирно, сабли вонъ, пики въ руку!» Солдаты побросали свои цыгарки, стали застегивать чешуи киверовъ и проворно садились на лошадей, гремя саблями; офицеры дѣлали то же и занимали свои мѣста. Вскорѣ крупной рысью подъѣхала коляска. Государь въ егерскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ, вышелъ изъ коляски, ему подвели его знаменитую англозированную гнѣдую кобылу, онъ сѣлъ на нее и галопомъ поскакалъ къ правому флангу.

Хоръ трубачей Орденскаго кирасирскаго полка заигралъ «Коль славенъ», и все это слилось въ одинъ общій восторженный звукъ. Государя Николая I любили всѣ военные, отъ генерала до послѣдняго рядового, за его справедливость, истинно царскую осанку и военную выправку.

Поздоровавшись съ войсками, государь отъѣхалъ въ сторону и скомандовалъ по-эскадронно къ церемоніальному маршу шагомъ. Трубачи Орденскаго полка тотчасъ же отдѣлились отъ фронта, стали напротивъ государя, заиграли маршъ, и эскадроны начали стройно проходить мимо его величества сначала шагомъ, потомъ собранной рысью. Кирасиры и гусары удостоились похвалы, а про уланъ государь сказалъ, что они правыя плечи завалили. Послѣ церемоніальнаго марша послѣдовала перемѣна фронта и начались маневры. Государь не командовалъ, а пѣлъ сигналы, трубачъ, ѣхавшій позади его, тотчасъ же подхватывалъ пропѣтый сигналъ, и гулъ команды разносился по войскамъ.

Перемѣна фронта кавалеріи на маневрахъ—дѣло не шуточное: противоположному флангу приходится дѣлать на рысяхъ иногда, смотря по мѣстности, десятки верстъ. Лишь только была скомандована перемѣна фронта, какъ вся эта масса кавалеріи и артиллеріи загремѣла по степи. Выше я уже замѣтилъ, что въ эту осень погода стояла жаркая, сухая, дождя не было болѣе мѣсяца. Когда войска на рысяхъ стали дѣлать полукругъ, под-

нялось густое облако пыли; лица солдатъ, мундиры, лошади сдѣлались одного цвѣта—сѣраго. Все степное царство животныхъ всполошилось. Зайцы, дрохвы, перепела—прямо ошалѣли. Зайцы прыгали на артиллерійскіе лафеты, ихъ солдаты ловили и прятали въ зарядные ящики; дрохвъ, поднимавшихся изъ-подъ копытъ лошадей, уланы убивали пиками; перепелки садились къ всадникамъ на переднюю луку, солдаты ихъ брали руками. Не было никакой возможности различить ни цвѣта мундировъ, ни масти лошадей, видно было только густое облако пыли, слышалось бряцанье десятковъ тысячъ ноженъ отъ палашей и сабель, глухой топотъ лошадиныхъ копытъ, точно вся земля дрожала, и грохотъ артиллеріи, похожій на подземный гулъ во время землетрясенія; ни передъ собой, ни подъ ногами лошади ничего не было видно. Долго мы такъ рысили, вдругъ моя лошадь споткнулась, и я полетѣлъ черезъ голову. Мой ассистентъ, унтеръ-офицеръ Зубенко, упалъ на меня, мы очутились на днѣ какой-то балки и были совершенно одни, кругомъ насъ лежала широкая безлюдная степь. Лошадь моя при паденіи разсѣкла себѣ губу до крови, порвала подхвостникъ и конецъ древка моего штандарта было поломано; оказалось, что моя лошадь споткнулась на краю балки, и я, падая, ударилъ штандартомъ въ противоположный берегъ; у моего ассистента также не все было въ порядкѣ: лопнулъ кушакъ и погнулся мундштукъ. Глядя на поломанное древко штандарта я пришелъ въ полное отчаяніе.

— Зубенко, что мы будемъ дѣлать,—говорилъ я тоскливо.

— Не извольте безпокоиться господинъ юнкеръ,— хладнокровно отвѣчалъ мнѣ мой ассистентъ. — Богъ милостивъ, все какъ-нибудь уладимъ.

— Хорошо тебѣ говорить «не безпокойтесь», а древко-то штандарта поломано, посмотри-ка оно на одномъ шнуркѣ виситъ, — сказалъ я.

— Что же за диковина, что поломано, мы его тонкой бичевкой свяжемъ,—успокаивалъ меня Зубенко.

— Ну что ты мелешь,—сердито возразилъ я,—откуда ты тутъ въ степи бичевку найдешь?

— А вотъ откуда,—отвѣчалъ мнѣ Зубенко и, отстегнувъ передній ремень на вальтрапѣ, вытащилъ тонкую бичевку.

Я по истинѣ былъ изумленъ, глядя на эту замѣчательную предусмотрительность русскаго солдата. Сѣдлая полнымъ вьюкомъ, для высочайшаго смотра, онъ положилъ въ скатанную шинель и бичевку, и шило, и дратву. Боже храни, если бы кому-нибудь изъ начальствующихъ пришло въ голову освидѣтельствовать вьюкъ Зубенки и въ срединѣ скатанной шинели были бы найдены постороннія вещи,—пропалъ бы тогда злосчастный Зубенко, съ него спороли бы галуны и вкатили

бы въ его спину пятьсотъ палокъ. Но Зубенко не побоялся этого и зная, что на маневрахъ все можетъ случиться, захватилъ съ собой, на всякій случай, необходимыя вещи, которыя и пригодились. Не теряя времени онъ приступилъ къ работѣ. Крѣпко стянулъ поломанное дерево, нарвалъ зеленой травы, размѣшалъ ее съ влажной землей, поплевалъ на руку и окрасилъ завязанное мѣсто, такъ что не было никакой возможности замѣтить связанное мѣсто. Вытереть губу моей лошади, разогнуть мундштуки и подвязать кушакъ и подхвостникъ было дѣломъ одной минуты.

— Ну, господинъ юнкеръ,—сказалъ мнѣ Зубенко, приведя все въ порядокъ,—теперь не мѣшаетъ вамъ и закусить, небось кушать хочется, солнышко уже высоконько, а мы встали еще до зари.

— Какъ закусить, чѣмъ?—спросилъ я, рѣшительно недоумѣвая.

— А вотъ пошукаемъ (поищемъ), быть можетъ, что-нибудь и найдемъ,—отвѣчалъ мой ассистентъ, хитро улыбаясь.

Удивленію моему не было границъ, когда я увидалъ, что Зубенко вытащилъ изъ-подъ вальтрапа вареную курицу, фляжку водки и въ бумажкѣ соль.

— Кушайте,—угощалъ онъ меня,—да и гайда, а то, пожалуй, скоро остановятся и ротмистръ хватится насъ.

Прошло 47 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я закусывалъ въ балкѣ Херсонской губерніи. Въ этотъ долгій періодъ времени мнѣ случалось быть на завтракахъ и обѣдахъ, я ѣлъ всякія изысканныя блюда и пилъ весьма тонкія вина, но вкуснѣе глотка водки и крылышка вареной курицы, предложенной мнѣ унтеръ-офицеромъ Зубенко, я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ во всю мою жизнь.

Покончивъ нашъ завтракъ, мы закурили папироски, сѣли на лошадей и поднялись изъ балки. Далеко въ степи виднѣлось облако пыли, шума отъ движенія войска уже не было слышно.

— Ну, братъ, Зубенко, — сказалъ я моему ассистенту, — дрянь наше дѣло, начальство увидитъ, что 2-й дивизіонъ безъ штандарта— скандалъ!

— Зачѣмъ увидитъ, они еще идутъ, вишь пыль не осѣла,—возразилъ Зубенко.

— Почемъ ты знаешъ, что идутъ, грома не слыхать.

— А вотъ вы прибавьте рыси и громъ услышите, я вѣрно знаю, что еще идутъ.

Я прибавилъ рыси и дѣйствительно вскорѣ услыхалъ грохотъ артиллеріи. Надежда во-время поспѣть на свое мѣсто придавала мнѣ энергіи, я толкнулъ лошадь шенкелями, далъ ей поводья и пошелъ прибавленнымъ галопомъ. Шумъ отъ движущагося войска становился все

слышнѣе и слышнѣе. Наконецъ, мы подскакали къ заднимъ шеренгамъ праваго фланга. Но тутъ новая бѣда, какъ найти полкъ?

— Берите полуоборотъ влѣво, — командовалъ Зубенко,—тутъ кирасиры и уланы, наши должны быть дальше, на лѣвомъ флангѣ.

Я взялъ полуоборотъ влѣво, долго скакалъ за фронтомъ войска, но полка своего найти никакъ не могъ. Я было опять сталъ приходить въ отчаяніе.

Мой ассистентъ, видя, что я безъ толку толкаюсь въ хвосты лошадей, вскричалъ:

— Бросьте поводья лошади: она сама найдетъ свое мѣсто.

Хотя я и зналъ, что строевыя лошади прекрасно знаютъ свои мѣста, но тѣмъ не менѣе совѣтъ Зубенки показался мнѣ нелѣпымъ. Во всей этой страшной суматохѣ не было никакой возможности различить масть лошадей, всѣ онѣ были покрыты густымъ слоемъ пыли и имѣли одинаковый цвѣтъ. Но утопающій хватается за соломенку; я далъ волю лошади, она быстрѣе поскакала, уставила уши впередъ и вдругъ круто повернувъ направо, къ моему величайшему блаженству, въѣхала въ интервалъ и громко заржала. Я съ благодарностью посмотрѣлъ на моихъ сосѣдей и въ душѣ поблагодарилъ ихъ за то, что онѣ не сомкнулись.

Мы прискакали какъ разъ во́-время. Раздалась команда: «стой, ровняйся!»

— Гдѣ это васъ нелегкая носила?—спросилъ меня эскадронный командиръ.

— Несчастье случилось: у меня въ балкѣ лошадь упала,—отвѣчалъ я.

— Ну хорошо, что во́-время поспѣли, — отъѣзжая сказалъ ротмистръ, пристально взглянувъ на штандартъ.

И дѣйствительно, во́-время мы поспѣли: какъ разъ впереди нашего эскадрона красовалась на курганѣ могучая фигура государя. Помилуй Богъ, если бы вмѣсто штандарта виднѣлся интервалъ. Отъ его зоркаго взгляда ничто не могло укрыться. Государь бы это тотчасъ замѣтилъ, и полковому и эскадронному командирамъ была бы страшная бѣда, а всѣхъ больше, конечно, мнѣ. Паденіе лошади не могло быть принято въ уваженіе; сказали бы, что я ее недостаточно крѣпко держалъ въ поводьяхъ, и я могъ лишиться не только серебрянаго темляка, но, пожалуй, и галуновъ. Я мысленно горячо поблагодарилъ Бога за мое спасеніе. Маневры продолжались почти до вечера. Мы всѣ страшно утомились.

Н. П.